

Хор

Однажды меценат, и спонсор с давних пор,
С друзьями

Решил послушать опекаемый им хор.

И вдруг при исполнении песни хором

Певцы покрылись несмываемым позором:

Заблеяли, закаркали, завыли...

Ну, кто терпеть такое был бы в силе?

– Кого ты к нам привёл? – взревел наш меценат,

Который сам себе уж был не рад, –

Кто их учил? Как их ты отбирал?

Чтоб каждый здесь не пел, а горло драл?

– Я отбирал – в ответ руководитель хора, –

Благодарить лишь вас мне впору:

Ведь брал я только по запискам вашим.

И всё же, утверждаю, нету хора краше!

Всё, видите ли, в том

Я, господа,

Не ошибался в жизни никогда!

Поскольку в хоре все примерны в поведенье,

Ударники труда. И даже в пенье.

Ужасно обожают всякий труд,

Спиртного ж в рот и капли не берут!
А женщины у нас – какие варят щи,
Пекут ватрушки, шьют и вяжут
Ну, других сыщи!
Но иногда случалось нам и петь.
– Да им на уши наступил медведь!
Ведь должен слух быть, голос непременно!
Ватрушки пенью не замена!

Свинья и орёл

Орёл после полёта в поднебесье
На древо сел у скотного двора.
А рядом, пребывая в чудном весе,
Свинья в грязи валялася с утра.
– Величество! – кричит ему из лужи Свинка, –
Давно хочу с тобой поговорить.
(Сама ж о столб высокий чешет спинку,
Но разговора не теряет нить).
Ты, знаю, числишься в царях ещё. Пока.
Но Горний мир твой пятака не стоит!
Пусть высоко витаешь в облаках –
Прекрасней в мире нет ведра помоев!
Летать по небу, я считаю, просто вздор!
Прибытку – ноль! И ни тебе, и ни планете.
Общесвинячьих ценностей набор –
Вот главное, что есть на белом свете!
Когда ж усвоишь ты, дурная птица,
Что жрать и спать,
Ну и карманы набивать –
Вселенский принцип!
И с этим ты обязан согласиться.
Ни слова не сказав в ответ

Речам, не вняв всей грязи, госпожи,
Орёл взлетел, расправив крылья, в свет.
Ведь со свиньёю он от веку не дружил.

Адепты общесвинских идеалов,
Как много вас в стране родимой стало!

Коняга

Коняга нынче стар,
С годами ослабел,
Не годен вовсе стал
Для лошадиных дел.
Таскать телегу больше он не может.
А значит, быть средь лошадей ему не гоже.
Вчистую списан, как того хотел.

Он двадцать лет трудился словно лошадь!
Ходил и под седлом, возил людей и груз.
Да и теперь на произвол судьбы не брошен,
Поскольку на машине едет, словно туз.

На грузовой, понятно. Но куда? Где ждут?
Наверное, ему все будут рады.
И даже приготовлены награды
За долгий плодотворный труд.

«Сперва медаль, а уж потом банкет!
Пусть говорят, что правды в свете нет,
А вот меня, пожалуйста, позвали,
И даже, может быть, ещё овса отвалят!»

Ну что он возомнил, несчастный старикан!
Машина мчится к мясокомбинату,
Где на забой идти «аристократу»,
А живодёрня выполнит свой план.

– Чего придумал, дурень старый,
Пойдёшь ты на консервы для собак!
Из шкуры выкроют ещё сапожек пару.
А больше вряд ли. Не получится никак!

Лиса и петушок

Столичная лиса, звезда гламура,
Приехала в деревню отдохнуть.
И видит: под окном резвятся куры,
Среди них петух-гвардеец: рост и стать.
Она к хозяевам

(Уже готов мешок):

– Ах, как поёт ваш милый петушок!

Ну, словно жаворонок спозаранку.

Не голос, а алмаз,

Но требует огранки.

В консерватории его учить –

Как было б хорошо!

Возьмусь-ка я ему образование дать.

Хоть вижу: нет у вас ко мне доверья.

Но вот клянусь! Целы все будут перья,

И что он жив,

Соседи станут подтверждать.

Соседи: «Да, с утра поёт.

Видать, что учится.

И очень напряжённо.

Весь день на лекциях студент.

Всё как заведено».

Но вскоре обнаружили: нет петуха давно,
А пение – с кассет магнитофона!

Доверчивость –
Не лучшее из качеств человека,
Хоть простаков на свете рать.
А будете всем лисам доверять,
Лишь съеденный петух
Вам будет кукарекать!

Две мартышки

Две очень модные мартышки
(Из тех, кто иногда заглядывали в книжки),
В элитном ресторане сидя, рассуждали:
– Вот снова мимо нас протопали медали!
– Ах, мы нашли с тобою Родину не ту!
Здесь ведь не ценят нашу красоту,
Прекрасного в народе нету чувства,
Не понимают нового искусства!
Им наши ни к чему ужимки и прыжки,
Предпочитают больше кабаки!
Брезгливость к этакой стране не удержать,
Давно пора отсюда уезжать
В благословенный край, что за бугром,
Там для себя отыщем светлый дом.
Уехали.
Сбылась заветная мечта,
Жизнь началась совсем не та.
Я об успехах дам писать не буду,
Поскольку моют в кабаках они посуду.

На смерть мухи

Студить оставили варенье до поры.
Тут муха пролетать изволила некстати.
Сказав: «Ну что ж, на раз, пожалуй, хватит!» –
И сходу в банку прыг!

Она довольно много съела с голодухи:
Примерно капель пять.
Но странно: нечто не даёт подняться мухе,
И как же ей взлетать?

Не осознав опасности покуда,
Она ещё сожрала, что могла
И, влипнув намертво, сказала: «Вот дела!
Никто не хочет отпускать меня отсюда!

Теперь вопрос: когда достигну дна я?
И где среда воздушная родная?»
Но кто бы слушать мог её слова?
Из сладости торчит лишь голова!

Она в последний раз вздохнула:
«Познала счастье я, хоть вижу, нет спасенья.
Я столько съела вкусного варенья,
Не жаль и помереть!»
И утонула.

Мораль: не действуй никогда, как эта муха!
Размеры счастья примеряй к размеру брюха!